

Глава 4. Семья Цинь, где все вверх дном

—

— Что это за бесстыжий наглец осмелился заявиться к тебе в дом и безобразничать!

Мужчина, засучив рукава, с яростным видом собирался ворваться внутрь, чтобы проучить обидчика, но Цинь Сяомань бесцеремонно схватил его за шиворот еще на пороге:

— Тебе-то какое дело до чужих забот? Это мужчина, которого я сам сегодня нашел!

Мужчина в ужасе воскликнул:

— Ты впустил беженца жить в свой дом?!

— И что с того? В моем доме полно пустых комнат, кого хочу, того и селю. Я как раз горевал, что не могу найти зятя в дом, и вот – о чем просил, то и получил! Даже молитва бодхисаттве в храме не была бы столь действенной.

— Ты... ты, чистый и честный юный гер, привел в дом мужчину, ну на что это похоже!

— На что похоже – не тебе, постороннему, решать.

Мужчина в отчаянии воскликнул:

— Это не по правилам приличия! Что люди снаружи скажут?

— Люди снаружи меня не кормят и не поят, так с чего мне переживать о том, что они скажут? Отныне он – мой муж, и нет ничего плохого в том, чтобы вместе вести хозяйство!

Ду Хэн услышал снаружи громкие крики и, прихрамывая, вышел прямо к ним.

Увидев, что тот идет, перекосившись на одну сторону и ковыляя, мужчина вытаращил глаза еще сильнее. Он указал пальцем на Ду Хэна:

— Даже если ты хочешь взять зятя в дом, разве сгодится этот калека с немощными ногами!

Цинь Сяоманю надоело это занудство, и он отрезал:

— Тебе-то что, если он хромой? Что, ты сам на мне женишься? Или, может, готов войти в мой дом зятем?

Мужчина мгновенно растерял весь свой пыл, слова застряли у него в горле.

Ду Хэн тоже был мужчиной и, конечно, с первого взгляда понял, в чем тут дело. Видя, что Цинь Сяомань действительно раздражен, а водяная изморось на улице усилилась, отчего головы присутствующих вскоре покрылись белым налетом, словно сахаром, он спросил:

— Кто это?

Мужчина, глядя в лицо Ду Хэну, сжал кулаки:

— Я старший брат Сяоманя!

— Нечего тут в родственники набиваться, никакой я тебе не младший брат. Уходи поскорее, мы

собираемся ужинать.

Цинь Сяомань выставил Чжао Ци за ворота и захлопнул их, не открывая, как бы тот ни стучал.

Чжао Ци ничего не оставалось, кроме как кричать через невысокую каменную ограду:

— Сяомань, не делай глупостей!

Цинь Сяомань не удостоил его ответом и позвал Ду Хэна в дом.

Оставшийся снаружи Чжао Ци сгорал от беспокойства. Видя, как эти двое под руку уходят в дом, он не мог ничего поделать. Прокричав еще несколько раз без ответа, он развернулся и бросился по тропинке прочь. Вскоре он уже стоял у другого дома.

Чжао Ци принялся неистово колотить в дверь:

— Второй дядя Цинь, ты дома?!

Вскоре вышел мужчина с очень крепкими плечами и грудью. По тому, как он двигался, была видна его мощная, внушительная стать. В этот дождливый зимний день на нем не было тяжелой ватной одежды - лишь осеннее среднее платье, но он даже не вздрогнул, стоя под дождем.

Под густыми бровями сверкали острые глаза; их свет был подобен холодному отблеску наточенного ножа. Это был человек такого грозного вида, что мог напугать ребенка издали.

Увидев Чжао Ци под дождем, Цинь Сюн нахмурился и открыл дверь:

— В такой ливень, Ци-цзы*, зачем пришел?

[*цзы (子, zǐ) — уменьшительно-ласкательный суффикс, добавляемый к именам в Китае. В деревенской среде используется как аналог дружеского или упрощенного обращения к молодым людям (например, Ци-цзы — «парень по имени Ци».)]

Чжао Ци в панике затараторил:

— Второй дядя Цинь, скорее пойдешь и вразуми Сяоманя! Он привел в дом мужчину и говорит, что тот будет зятем в его семье! Тот мужик тощий как обезьяна, да еще и хромой!

Услышав, что его племянник-гер привел в дом мужчину, Цинь Сюн нахмурился еще сильнее:

— И правда нашёл себе зятя?

На днях в деревне обсуждали старого гера из соседней деревни, который взял в мужья беженца. Он слышал, как Сяомань вскользь упомянул, что тоже хочет зятя в дом, но не думал, что тот так быстро перейдет к делу.

На самом деле Цинь Сюн не слишком жаловал Чжао Ци. Этот парень вечно лез в мелкие дела Сяоманя, а когда доходило до важного - толку от него не было. Такие мужчины не из лучших.

Но то, что Сяомань притащил в дом мужчину, было делом серьезным. Он сказал:

— Ладно, возьму соломенную шляпу и схожу посмотрю.

Чжао Ци, видя, что тот не спешит, заволновался:

— Похоже, они уже живут вместе какое-то время! Я только что видел их нижнее белье – оно выстирано и висит под навесом! А в дом они зашли, касаясь друг друга и поддерживая... Сяомань поддался его уговорам и даже запер передо мной ворота!

Цинь Сяомань был упрямым: гер, который во что бы то ни стало решил остаться в доме покойных родителей. С самого детства он совершал немало дерзких поступков, и драки с парнями были для него обычным делом.

Цинь Сюн уже привык к его выходкам и не стал бы удивляться по пустякам, но весть о том, что мужское нижнее белье уже висит под навесом, заставила его, отца нескольких детей, немедленно почувствовать неладное.

Хотя обычаи в деревне не так разнообразны, как в городе, где вдовы часто выходят замуж повторно и даже можно разводиться, это все же не происходит сразу после свадьбы. Сяомань же всё еще был чистым и честным юным гером. Если он пригред подлеца, то потом найти хорошего мужа будет невозможно.

— Этот ребенок!

В доме, конечно, тоже услышали голоса двоих мужчин снаружи. Жена Цинь Сюна, Ли Ваньцзюй, желая послушать сплетни, вышла из кухни на холодный ветер. Стоя под навесом и щелкая тыквенные семечки, она наблюдала, как муж снимает со стены соломенную шляпу, и наставляла:

— Надень еще и соломенный плащ. Такой дождь стеной! Сяомань и впрямь не дает покоя. Раньше ты еще думал забрать его к нам, чтобы присматривать, но приди он сюда – сколько бы бед натворил!

Цинь Сюн сердито зыркнул на жену.

Проводив взглядом мужа в плаще, который в спешке ушел вместе с Чжао Ци, Ли Ваньцзюй увидела своего собственного сына-гера, который тоже высунулся посмотреть. Она высыпала очищенные семечки ему в ладонь и сказала:

— Твой отец еще и злится на меня, вот ведь неблагодарный.

Затем она рассмеялась:

— Этот Сяомань и впрямь мастер заваривать кашу. Наслушался деревенских сплетниц и действительно сам пошел и раздобыл себе мужа.

Цинь Сяочжу ответил:

— Брат Сяомань всегда был своенравным, да еще и характер властный, на что он только не способен. Все равно в деревне он никому не нужен, так что, если сам, потеряв стыд, не найдет зятя в дом, всю жизнь до старости прокукует в одиночестве.

Мать и сын еще посмеялись какое-то время, прежде чем втянуть головы в плечи и вернуться в тепло.

...

— Наступил сезон каштанов, — заметил Ду Хэн, глядя на мелкий дождь за окном.

Цинь Сяомань, который в это время накладывал рис в миски, замер. Он уже собирался что-то ответить, как услышал вопрос Ду Хэна:

— Тот человек влюблен в тебя?

— В твоей голове только и мысли, что о «любви» да «нелюбви»?

Цинь Сяомань поставил миску с рисом перед Ду Хэном и положил сверху палочки. Помедлив, он всё же объяснил:

— Когда мой отец был жив, он тесно общался с семьей Чжао. На словах договорились, что когда мы вырастем, то поженимся.

Ду Хэн приподнял бровь:

— Значит, вы поссорились, и ты привел меня, чтобы позлить его?

— Я не ребенок, чтобы быть таким незрелым. Может, я и не самый покладистый, но не дурак, — Цинь Сяомань отправил в рот несколько палочек риса. В его голосе не было печали, только раздражение. — После смерти отца семья Чжао перестала признавать это соглашение.

Ду Хэн не понял:

— Почему?

Цинь Сяомань посмотрел на Ду Хэна как на дурачка:

— У меня скверный характер, я властный, и репутация в деревне у меня не самая лучшая. Раньше, когда отец был жив, люди считались с ним. Когда же его не стало, я, естественно, перестал быть завидной партией.

— Семья Чжао живет в достатке, к тому же у них единственный сын. Матушка Чжао не желала, чтобы ее сын ввел такого, как я, в дом — и это обычное дело. Раз появилась возможность отказаться, они ее не упустили.

— Я не виню их. Каждый взвешивает выгоду и хочет жить лучше. Не хотят признавать родство — и ладно, будем меньше общаться. Но Чжао Ци всё лезет со своей заботой по пустякам, а его мать, если узнает, снова будет тыкать мне в нос, обвиняя в том, что я соблазняю ее сына. До смерти надоело.

Ду Хэн нахмурился. Хотя они с Цинь Сяоманем были знакомы всего несколько часов, за это короткое время он понял, что этот совсем еще юный парень уже привык смотреть на человеческую холодность совершенно спокойно.

«Взял чужое — отдай долг, поел чужого — будь добр», — подумал Ду Хэн и сказал:

— Если он снова придет докучать тебе, я помогу его прогнать.

Цинь Сяомань, услышав это, развеселился:

— Да ладно тебе! Кого ты в таком виде напугаешь? Чжао Ци при здоровых руках и ногах — тот еще трус, а ты со своей ногой и подавно.

Ду Хэн только собрался возразить, что трусость – это черта характера, не связанная с телосложением, но не успел открыть рот, как в ворота во дворе раздалось несколько тяжелых, глухих ударов. Сила была такой, что казалось, ворота вот-вот рухнут.

— Ни дня покоя! — Цинь Сяомань с треском отложил палочки, его лицо изменилось. — Этот подлец Чжао Ци точно пошел жаловаться моему второму дяде!

— Так, не сиди просто так, быстро прячься во внутреннюю комнату! Запрись изнутри и, что бы ни случилось, ни в коем случае не выходи!

Говоря это, Цинь Сяомань стащил Ду Хэна со скамьи и затолкал во внутреннюю комнату.

Ду Хэн был в полном недоумении:

— Зачем?

— Мой второй дядя – мясник! Он полжизни скотину резал, он свирепый до ужаса! Если он пустит в ход руки, сколько твои косточки выдержат?

Цинь Сяомань захлопнул дверь:

— В общем, делай как я сказал, задвинь засов!

Не успел Ду Хэн вставить и слова, как услышал, что Цинь Сяомань вышел из дома наружу. В этот же миг со стороны двора донесся грубый рев:

— Мань гер, быстро открывай!

— Чего второму дяде надобно? Я вообще-то ужинаю!

— Ты притащил в дом мужчину? Где он?!

Ду Хэн в комнате слышал, как шаги становятся всё отчетливее.

Цинь Сяомань бросил гневный взгляд на Чжао Ци, стоявшего за спиной Цинь Сюна:

— Какого еще мужчину?

— На столе две миски с рисом, а ты еще не признаешься!

Цинь Сюн перед входом поднял голову и увидел одежду под навесом. Нижнего белья он не приметил, но, уже накрученный, вспыхнул мгновенно:

— Одежда висит под навесом! На что это похоже!

Цинь Сяомань ответил:

— В такой дождь где ей еще висеть, если не под навесом?

— Ты! Еще и препираешься так уверенно! — Руки Цинь Сюна затряслись от гнева. Не увидев никого с первого взгляда, он яростно начал оглядываться по сторонам: — Где этот человек? Чего он прячется, пусть выходит!

Цинь Сяомань упорно молчал, позволяя дяде искать по всему дому, а сам просто сел обратно

за стол и продолжил есть.

— Сяомань, не зли второго дядю Циня, он ведь для твоего же блага старается. Скорее позови того человека.

Цинь Сяомань с размаху ударил палочками по столу:

— У тебя еще хватает совести открывать рот!

Он сделал движение, будто собирался кинуться на Чжао Ци, но Цинь Сюн перехватил его.

— Если бы Ци-цзы не пришел и не рассказал мне, я бы и не знал! — Цинь Сюн разозлился еще больше, видя такое поведение. — Ты совсем страх потерял! Привел мужика, прятал его столько времени - если об этом пойдет слух, кто тебя замуж возьмет!

Цинь Сяомань тоже вспылал:

— Пойдет слух или нет - всё равно никто не возьмет. Я просто сам строю планы на свое будущее!

Цинь Сюн сказал:

— У меня связей побольше, чем у тебя. Захотел зятя в дом - я бы тебе сам и подобрал! Зачем тебе, геру, самому этим заниматься? А если притащил кого-то с гнильцой в душе, что тогда делать?!

— Жить с ним мне, а не второму дяде, так почему я не могу сам его найти?

— Пользуешься тем, что я не смею тебя отлупить?!

Цинь Сяомань отложил палочки:

— Тогда бей, второй дядя, я всё равно крепкий.

— Ах ты, паршивец! Где мой прут!

Глаза Цинь Сюна вылезли из орбит от ярости. Чжао Ци хотел было подойти и успокоить его, но, увидев свирепого мясника, в страхе забился к двери и не смел пикнуть, лишь тихонько увещевал со стороны.

В доме начался настоящий переполох.

Не найдя прута, Цинь Сюн схватил лежащий на полу башмак и замахнулся на Цинь Сяоманя. Тот не сопротивлялся - просто сидел, вытянув шею.

Цинь Сюн был нрава вспыльчивого; подошва башмака с громким хлопком опустилась на тело. Цинь Сяомань зажмурился, но боли не почувствовал.

В недоумении он поднял голову и увидел Ду Хэна, который заслонил его собой. Удар башмаком, от которого должно было остаться жгучее багровое пятно, пришелся Ду Хэну прямо по плечу.

Цинь Сяомань расширил глаза, с неверующим видом глядя на человека перед собой.

— Если хотите бить - бейте меня. Он еще ребенок и просто не смыслит, что делает.

—

<http://bllate.org/book/14888/1323600>